

дальнейшему совершенствованию грамматических норм литературного языка.

Исследования Г. М. Тужарова по грамматическим категориям имени су-

ществительного — это крупный вклад не только в марийское, но и в финно-угорское, а также в общее языкознание.

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1999.3.11>

Е. И. Ромбан্দеева, Структура современного мансийского (вогульского) языка. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1998. 61 с.

15 октября 1998 года на заседании Диссертационного совета Д 064.44.01 при Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа Евдокией Ивановной Ромбан্দеевой в форме научного доклада на тему «Структура современного мансийского (вогульского) языка». Официальные оппоненты — доктора филологических наук профессора Ю. В. Андуганов (Марийский университет), В. К. Кельмаков (Удмуртский университет) и доктор филологических наук Г. И. Лаврентьев (МарНИИ).

Научный доклад Е. И. Ромбан্দеевой посвящен исключительно важной теме — описанию фонетической системы и грамматического строя мансийского языка в его северном диалектном варианте. Актуальность темы не нуждается в обосновании, ибо всестороннее описание наречия, послужившего базой для современного новописьменного мансийского литературного языка, имеет огромное теоретическое и практическое значение в деле совершенствования его норм, уточнения графики, орфографии и т. д.

Небезынтересно отметить, что различные диалекты мансийского языка уже были объектом изучения начиная с середины XIX столетия, однако материалы и исследования по ним принадлежали перу преимущественно зарубежных (венгерских, финских, немецких и др.) финно-угроведов, из отечественных же — тоже не носителей языка. Например, в библиографическом справочнике по мансийскому языку (фольклору и этногра-

фии), составленном Б. Кальманом (Kálmán 1970 : 18—26), среди 217 публикаций 173 принадлежат зарубежным ученым и лишь 44 отечественным. На фоне этого факта весьма отраднo появление довольно продуктивного (в списке публикаций свыше 130 наименований) мансийского исследователя своего родного языка и фольклора, каким является Е. И. Ромбан্দеева. И еще одна особенность характерна почти для всех крупных исследователей мансийского языка — они одновременно занимаются изучением фольклора, этнографии (и истории) мансийского народа: не является исключением и Е. И. Ромбан্দеева: в списке ее трудов не только работы по строгой лингвистике, но и учебники и учебные пособия по мансийскому языку, статьи о фольклоре и публикации фольклорных текстов, этнографические эссе, переводы художественных произведений и политических текстов и т. д. (с. 54—59)¹.

Доклад Е. И. Ромбан্দеевой состоит из следующих основных разделов (глав): «Фонология», «Морфонология», «Словообразование», «Морфология», «Синтаксис», помимо того, имеются и такие традиционные разделы, как «Введение», «Заключение», «Условные сокращения» и «Список опубликованных трудов». Структурирование основной части доклада в значительной степени отвечает

¹ Здесь и далее в круглых скобках без указания на источник приводятся страницы рецензируемой работы.

делов, как «Морфонология» и «Словообразование»). В этом заключаются не только достоинства рецензируемой работы, но и некоторые ее недостатки, о чем несколько ниже.

В разделе «Фонология» сделана попытка определить фонемный состав современного мансийского языка (в варианте сыгвинского диалекта северного наречия), состоящий из 15 гласных и 19 согласных фонем (с. 7), в монографии же «Мансийский (вогульский) язык» (Ромбандеева 1973 : 26, 33), написанном тоже на материале северного наречия, расклад несколько иной: 12 гласных и 18 согласных фонем. Да и в тексте доклада встречаются противоречия: гласных насчитывается то 15 (с. 7), то 13 (в таблице на с. 7: гласные *j* и *e* приведены дважды), а то и 14 (с. 8—10); согласных же — то 19 (с. 7, 10—11), то 18 (с. 11—14). Если принять во внимание утверждение автора: «В русизмах представлены согласные *š* и *g*...» (с. 10), то в составе согласных можно обнаружить уже 20 единиц, хотя согласный *š* в качестве самостоятельной фонемы признан автором, а *g* почему-то нет (с. 11). Я заострил внимание на этом вопросе еще и потому, что подобного рода противоречия нередко встречаются и в других разделах работы.

Сочетание большого количества гласных с относительно небольшим составом согласных фонем в мансийском языке, установленное Е. И. Ромбандеевой, весьма примечательно как в типологическом плане, так и, по-видимому, в историческом аспекте. С аналогичным случаем, возможно, имеем дело и в финском языке: 16 гласных фонем и 16 дифтонгов, но согласных меньше — 22 (среди них 13 одиночных согласных и 9 геминат). Некий антипод этому — пермские языки, в которых количественное соотношение гласных и согласных фонем имеет существенный крен в пользу вторых: 7 гласных и 26 согласных, не считая поздних заимствований типа *ф*, *х*, *ц*, *ш* в составе последних (в праудмуртском языке — 9 и 28).

В историческом плане эти данные наводят на определенные размышления. Во-первых, относительная легкость заимствования пермскими языками из русского вышеназванных согласных фонем, по-

видимому, системно обусловлена незначительным количеством гласных. Во-вторых, если типологическое наблюдение экстраполировать на финно-угорскую праязыковую плоскость, по-видимому, следует дать большее предпочтение тем гипотезам, согласно которым при незначительном количестве предполагаемых согласных фонем (20 единиц), реконструируется большое количество гласных — свыше 10 (В. Штейнитц, Э. Итконен), нежели мнению авторов, постулирующих для праязыкового состояния вокализм с малым количеством единиц, например, 8—9 гласных (К. Реден). В пользу мнения первых свидетельствует и то, что дистинктивная функция первых слогов была предельно снижена из-за праязыковой гармонии гласных и функционального ограничения их (употреблялись лишь три или, возможно, четыре неогубленных гласных).

Возвращаясь к рецензируемой работе, следует подчеркнуть как весьма положительный момент в исследованиях Е. И. Ромбандеевой «узаконение» ею корреляции кратких и долгих гласных фонем в мансийском языке не только как факта науки, но и в практической орфографии современного литературного языка, что значительно упрощает освоение письменной мансийской речи учащимися; а также выявление и описание синтагматических закономерностей функционирования каждой из фонем. При этом она неотступно следует указаниям «Унифицированного описания диалектов уральских языков», которое требует определения функционирования гласных фонем в ан-, ин- и ауслауте без указания на соответствующий слог, в то время как для исторического финно-угроведения наиболее перспективно выявление в соответствующих языках и диалектах употребления гласных в пределах первого и/или непервого слогов. Правда, автор все же приводит сведения о функционировании определенных гласных в фонетической структуре многосложного слова (с. 15), однако делается это весьма непоследовательно и противоречиво. Приведу некоторые из ошибок и неточностей в порядке появления их в фонетической части работы.

1. «...в алфавит введены десять дополнительных букв для обозначения долгих гласных современного мансийского (вогульского) языка: из них для обозначения шести долгих фонем: [ā], [ḡ], [ū], [ō], [ȳ], [ḡ], [ḡ] и четырех долгих гласных звуков: \bar{y} , \bar{e} , \bar{e} , \bar{y} » (с. 5—6). Необходимость различия звуков и букв, с одной стороны, и фонем и звуков, с другой, это все же азбучная истина. Не спасает положения и фраза: «...а также четыре буквы для обозначения йотированных долгих гласных звуков: \bar{y} , \bar{e} , \bar{e} , \bar{y} » (с. 10).

2. «/w/... в сочетании с согласным значительно сонантизуется, образуя как бы слог...» (с. 12). Отсутствие примера затрудняет, к сожалению, понимание смысла фразы.

3. «На основе экспериментальных исследований мы доказали, что в мансийском языке имеются долгие гласные звуки не как аллофоны (наверно, все же *аллофоны?* — В. К.), а как фонемы. При этом не три варианта долгих гласных \bar{a} , \bar{o} , \bar{y} звуков, а шесть долгих гласных: [ā], [ō], [ȳ], [ū], [ḡ], [ḡ], причем, все они фонематичны» (с. 10). Не совсем понятно, каким образом долгие \bar{a} , \bar{o} , \bar{y} в одних случаях оказались вариантами, а в другом фонемами (не аллофонами).

4. «Гласный *u* характерен лишь для первого слога слова, в непервых слогах ему соответствует *u*» (с. 15). Во-первых, неизвестно, какой все же гласный характерен для первого слога, а какой для непервых (оба обозначены одной и той же буквой — *u*); во-вторых, если определенный гласный вообще не функционирует в какой-то позиции, то ничто ему в этой позиции не может соответствовать.

5. «В непервом слоге гласные *o* и *o* употребляются ограниченно» (с. 15). В чем заключаются синтагматические ограничения дважды повторенной гласной фонемы *o*, для рецензента остается тайной.

6. «Иллабиальные гласные *a*, \bar{a} , *e*, \bar{e} , *i*, \bar{i} употребляются как в корне слова, так и в суффиксах. Из долгих гласных в суффиксальной морфеме представлена только \bar{a} ...» (с. 15), и «В суффиксальных морфемах перед палатальными гласными *i*, \bar{i} , *e*, \bar{e} ...» (с. 18). Противоречивость в приведенных положениях не требует доказательств. Жаль только, читателю при этом остается

гадать, употребляются все же долгие неогубленные гласные \bar{i} и \bar{e} в суффиксальных слогах мансийского слова или нет.

7. «Геминаты употребительны исключительно в инлауте» (с. 16), но *lunn* 'в низовье реки' (с. 14, 18).

8. «В русизмах представлены согласные ξ и *g*...» (с. 16), но *šāš* 'двоюродная сестра' (с. 14).

В разделе «Словообразование» (с. 19—23) весьма информативно, хотя и тезисно, проанализированы пути и способы образования новых слов, относящихся к именам и глаголам, определены функции словообразовательных суффиксов. Однако вызывает сомнения, следует ли формообразование глаголов (образование каузативных и возвратных глаголов, различных форм глагольных видов и т. д.) относить к словообразованию (с. 20—21), растворив тем самым морфологические глагольные категории залога (I: невозвратный / возвратный; II: непонудительный / понудительный) и вида — если они характерны для мансийского языка — в лексике / словообразовании. В то же время аналогичное явление — образование форм степеней сравнения имен прилагательных и наречий — вполне, на мой взгляд, обоснованно включено в раздел морфологии имени прилагательного и наречия, а не в словообразование (с. 27—28, 30).

Раздел «Морфология» (с. 23—39) занимает центральное положение в работе. Это и понятно, в нем анализируются формообразование и словоизменение всех 11 частей речи (традиционных 10 + артикли). Е. И. Ромбандеева проделала большую работу по описанию сложной системы категорий имени существительного и глагола, разветвленного состава разрядов имени числительного и местоимений и т. д. Похвально, что словоизменение частей речи наглядно иллюстрируется таблицами парадигм. Однако некоторые положения вызывают у рецензента сомнения. Поскольку я не владею мансийским языком и мои сведения в области мансийского языкознания весьма скудны, замечания по морфологическому разделу, базирующиеся лишь на материалах автора, имеют в определенной степени предположительный характер.

1. Е. И. Ромбандеева указывает, что прилагательные и числительные не изменяются ни по падежам, ни по типам склонений (с. 27, 28). Непонятно, о каких типах склонения ведется речь, поскольку сведений о них в работе нет. Если имеются в виду типы склонения существительных, подобно русскому, немецкому и др. языкам, то следует заметить, что существительные в названных индоевропейских языках по типам склонения не и з м е н я ю т с я, а лишь относятся к ним.

2. «Лично-притяжательные формы используются при терминах родства: *ota-γ-um-nəl at'a-γ-um-nəl joxtum lātəy* 'весть пришла от моих родителей (мамы, папы)» (с. 27). И только? А с существительными других лексико-семантических разрядов? По-видимому, имеются все же и другие существительные, способные сочетаться с притяжательными суффиксами: «...перед лично-притяжательной формой имени, выражающее обладаемое: *mujχum am kolumt oli* 'гость (именно) в моем доме находится» (с. 29).

3. Сомнительно наличие в мансийском языке дробных числительных, если речь идет лишь о половинках типа: *low-it-tjg pāl* 'к десяти половина' ('десять с половиной?'), поскольку «мелкодробные числа обычно не употребляются» (с. 28) и, по-видимому, нет и морфологических средств для их выражения.

4. Если функции притяжательных местоимений выполняют неизменяемые собственнические местоимения в форме номинатива, «расположенные перед лично-притяжательной формой имени» (с. 28, 29), то мы имеем дело не с разрядом притяжательных местоимений, как считает автор (с. 28), а с контекстуально выраженной притяжательной функцией личных местоимений. К тому же весьма уместно замечено: «Лично-притяжательные суффиксы имени заменяют притяжательные местоимения индоевропейских и славянских языков» (с. 25) — следовательно, мансийский язык отнюдь не нуждается в особом разряде притяжательных местоимений индоевропейского типа. (Кстати, противопоставление индоевропейских и славянских языков не совсем правомерно, ибо

славянские языки представляют собой часть индоевропейской семьи языков).

5. Вопреки мнению Е. И. Ромбандеевой, я склонен присоединиться к тем авторам, которые считают, что формы настоящего и будущего времени в мансийском языке не дифференцированы, поскольку «настоящее время в роли будущего так же, как и в роли прошедшего, употребляется при наличии в предложении наречных слов типа: *χolit* 'завтра', *mōlχōtal* 'вчера', *mōtχōtal* 'послезавтра', *aīmūnt* 'недавно' и т. д.» (Ромбандеева 1973 : 115). Контекстуально и синтаксически обусловленное употребление форм настоящего времени в функции будущего не может быть квалифицировано как форма будущего времени, как и сочетание форм настоящего времени с наречием *taχ* 'потом' (с. 31, 36). Последнее названо в работе частицей (с. 36), хотя ни здесь, ни в упомянутой монографии оно среди частиц не фигурирует.

6. Весьма сомнительно наличие в мансийском языке кондиционалиса, образуемого «путем сочетания формы глагола, употребляемого во всех трех временах, и частицы *t'e/t'i*» (с. 32). Во-первых, словечко *t'e/t'i* 'если', упорно квалифицируемое Е. И. Ромбандеевой как частица (см. еще с. 38), таковой не является; перед нами типичный подчинительный союз с условным значением (в Ромбандеева 1973 : 199: *ke* (*t'e*) 'если' отнесен к подчинительным союзам), способный образовать сложноподчиненное предложение с условным придаточным: *taw nau nomtan t'e χul'jylanuuc, tēnemēn, ajnemēn χota ōlnuuc* 'Если бы ты согласился с моим предложением, то устроил бы пир горой' (Ромбандеева 1973 : 199). Кстати, это слово является коми заимствованием в мансийском языке и восходит к условному союзу коми диал. *ke, ke, ke* 'если, когда' (Rédei 1970 : 102) Во-вторых, сочетание глагольной формы с союзом едва ли можно квалифицировать как наклонение (ср. рус. *если пойдю, если пойдешь, если пойдет...*; удм. *мынй ке, мынйд ке, мынйз ке...*; и др.).

7. Слова типа *aširma* 'холодно', *rγən* 'жарко', *pōlam* 'студено', на мой взгляд, ошибочно отнесены к безличным глаго-

лам (с. 37) — на том, по-видимому, основании, что они могут быть сказуемыми в безличном предложении.

8. Послелог, частицы, союзы, артикли и междометия почему-то отнесены к «неспрягаемым служебным словам» (с. 37—38), хотя эти части речи не являются глагольными формами, а спряжение, как известно, касается в первую очередь именно глаголов.

Нередки случаи различного написания мансийских слов и форм, например: *lunn* 'в низовье реки' (с. 14) — *lūnn* 'в низовьях реки' (с. 18); *pārt* 'доска' (с. 15) — *kolal part* 'доска крыши' (с. 17); *ū* / *o* (вместо *ō*): *lūnn* 'в низовьях реки' — *lōyχal* 'вниз по реке' (с. 18); *pors* 'мусор' (с. 19) вместо *porš*; *ešā* (вокатив), *lāwen* 'сестра, скажи' — между тем в таблице чуть ниже указано, что окончанием вокатива служит *-a* (краткое) (с. 24); *-η/эη*, *-p/эp* — эти форманты образуют имена обладания, а чуть ниже: *-pa* — суффикс обладания; *karoj* — *karaj* 'очень' (с. 28); *mol'axnuw* 'быстрее' — *molaχ* 'быстро' (с. 30); *saka lūl* 'очень плохой' (с. 28) — *lul' šial* 'по плохому (не действуй)' (с. 38) и др. Орфографическая невыверенность текста особенно ярко выражена в первом абзаце «Заключения» (с. 50).

Большая работа проведена Е. И. Ромбандеевой по изучению синтаксиса мансийского языка. Судя по разделу «Синтаксис» (с. 39—49), автор обратила серьезное внимание на исследование видов синтаксической связи, типов простых предложений, порядка слов в предложении, способов выражения определенности / неопределенности, функций

логического ударения, структуры сложного предложения и т. д. В развернутом виде эти и другие вопросы, связанные с синтаксисом мансийского языка, рассмотрены в ее монографии (Ромбандеева 1979).

В «Списке опубликованных работ...» значатся монографии и очерки, учебники, словари, статьи и тезисы докладов — в общей сложности 86 наименований. Сюда же без всякой оговорки отнесены статьи по фольклору и этнографии и переводы текстов различного содержания на мансийский язык.

Завершая отзыв, я охотно присоединился бы к заключительным словам автора: «Представленный богатый научно-систематизированный языковой материал будет способствовать дальнейшему развитию исследования финно-угорского и уральского языкознания» (с. 52), если бы работа не изобиловала орфографическими описками, ошибками терминологического характера, а также научными неточностями, чрезвычайно затрудняющими использование этих материалов учеными, не владеющими мансийским языком. Разумеется, и огромный труд, проделанный Е. И. Ромбандеевой по синхронному описанию своего родного мансийского языка, и ее вклад в сокровищницу финно-угорского языкознания, вне сомнения, могли бы получить в этом отзыве более высокую оценку, если бы представленный научный доклад «Структура современного мансийского (вогульского) языка» был более тщательно выверен во всех отношениях и имел определенную самостоятельную ценность.

ЛИТЕРАТУРА

Ромбандеева Е. И. 1973, Мансийский (вогульский) язык, Москва.
— 1979, Синтаксис мансийского (вогульского) языка, Москва.

K á l m á n B. 1976, *Chrestomathia Vogulica*, Budapest.

R é d e i K. 1970, *Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen*, Budapest.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)